

Заменит ли нам Китай Европу?

Эксперты спорят о том, станет ли «восточный вектор» российского газового экспорта преобладающим

Сохраняющаяся напряжённость в газовых отношениях России и Европы заставляет Москву активизировать поиск возможностей для диверсификации экспорта за счёт поставок в Азию, прежде всего на самый быстрорастущий рынок – в Китай. Видимо, именно поэтому на последнем саммите АТЭС в Гонолулу присутствовал главный российский «газовик» Алексей Миллер. Однако, вопреки самым оптимистичным высказываниям российских руководителей, в полном объёме соглашения с Пекином, которые Москва пытается привязать к европейским принципам ценообразования на газ, до сих пор так и не заключены. Более того, Китай предпочёл купить более дешёвое туркменское сырьё. И хотя «Газпром» подписал меморандум с китайской China National Petroleum Corporation

(CNPC) на поставки до 68 млрд м³ газа в год, считать, что газовые дела на линии Москва – Пекин «на мази», пока преждевременно. О том, в чём причины таких задержек, каковы перспективы их устранения, а также способен ли Китай со временем заменить Россию Европу в качестве основного покупателя «голубого топлива», и шла речь в конце минувшего года во время встречи ряда отечественных экономистов в Институте энергетической стратегии.

КАК УТОЛИТЬ «СЫРЬЕВОЙ ГОЛОД»?

Андрей ОСТРОВСКИЙ, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая: На состоявшемся ещё в октябре 2010 г. V

плениуме ЦК КПК было принято решение «о создании к 2020 г. процветающего общества». Ключевым этапом на пути к этой цели станет 12-й пятилетний

план развития народного хозяйства на 2011–2015 гг.

Вместе с тем итоги реализации предыдущего плана показывают, что в китайской экономике всё ещё сохраняются целый ряд проблем, могущих оказать серьёзное влияние на решение поставленных задач. И среди них – относительная нехватка энергоресурсов. Вследствие этого в 2010 г., то есть ещё в ходе выполнения 11-й «пятилетки» (2006–2010 гг.), Китай вынужден был импортировать 239 млн т нефти, 36,9 млн т нефтепродуктов и 164,8 млн т каменного угля. КНР сегодня заметно отстает от других стран по объёму разведанных энергоресурсов на душу населения: 147 т каменного угля (41,4% от среднемирового уровня), 2,9 т нефти (11%). А по природному газу данный показатель и вовсе составляет 4%. В результате уже в 1993 г. Китай стал нетто-импортёром нефти, в 2009 г. – каменного угля, в 2010 г. – природного газа.

Исходя из тенденций современного экономического развития, в XXI веке перед Китаем встаёт вопрос удовлетворения спроса на энергоносители. Основными источниками их импорта могут служить три региона – Ближний и Средний Восток, Центральная Азия (Каспийский регион) и Россия.

Ныне весьма активно рассматривается возможность частичной замены нефти каменным углём и природным газом в энергобалансе КНР. Но никто не списывает со счетов значимость для экономики страны «чёрного золота» и увеличение в связи с этим его импорта из-за рубежа. Однако за последние 15 лет в его структуре произошли заметные изменения. Так, в 1998 г. основными поставщиками нефти были Иран, Йемен и Индонезия, к 2001 г. из них остался лишь Иран, но подключились Саудовская Аравия и Оман, а в 2004 г. к данной группе добавились Россия, Ангола, Судан, Венесуэла и Казахстан. Однако ведущую роль продолжали играть ближневосточные государства, в 1998 г. на их долю приходилось 61% поставок, в 2004 г. – 45,4% и в 2009 г. – 50%. Также резко возросло место Африки – с 8% в 1998 г. до 30% в 2009 г. (в основном за счёт Анголы, Судана и Ливии).

В последние годы Китай начал активно развивать импорт природного газа. В частности, в 2006 г. China National Petroleum Corporation выиграла тендер на разработку и добычу «голубого топлива» на месторождении Южный Иолотань (Туркменистан), с 2009 г. вступил в эксплуатацию газопровод из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан. CNP принимает активное участие и в освоении газовых месторождений в Тургайской степи (Казахстан). Кроме того, был сооружён газопровод из Мьянмы в Китай мощностью до 12 млрд м³ в год и активно осуществляются закупки сжиженного газа из Австралии и Катара. В перспективе намечена прокладка магистрали через Пакистан – из порта Гвадар по трассе действующего Каракорумского шоссе через Гилгит и Хунджерабский перевал до Кашгара, где ведутся активные геологоразведочные работы по оценке газоносных пластов месторождения Курля-Куча в пустыне Такла-Макан.

Таким образом, Китай в целом обладает необходимыми источниками энергии для обеспечения высоких темпов роста своего ВВП. Вместе с тем руководство страны высказывает мнение, что надо их несколько снизить, поскольку такая динамика КНР не нужна. Следует, мол, больше внимания уделять расширению внутреннего спроса, удовлетворению растущих потребностей

Тенденция производства энергоносителей в Китае

	Производство энергии, млн т у. т.	Уголь, %	Нефть, %	Природный газ, %
1957 г.	98,67	94,9	2,1	0,1
1978 г.	627,7	70,3	23,7	2,9
1985 г.	855,46	72,8	20,9	2,0
1995 г.	1290,34	75,3	16,6	1,9
2005 г.	2162,19	77,6	12,0	3,0
2010 г.	2969,16	76,5	9,8	4,3

Источники: Чжунго тунцзи чжайло – 2009 (Китайский статистический справочник – 2009). Пекин, 2009. С. 145; Чжунго тунцзи няньцзянь – 2010 (Китайский статистический ежегодник – 2010). Пекин, 2010. С. 259, 269.

Сравнительный баланс производства и потребления энергоносителей в КНР, млн т у. т.

	Производство энергоносителей	Потребление энергоносителей	Баланс
1990 г.	1039,22	987,03	52,19
1995 г.	1290,34	1311,76	-21,42
2000 г.	1350,48	1455,31	-104,83
2005 г.	2162,19	2359,97	-197,78
2010 г.	2990,0	3250,0	-260,0

Источники: 2007 Чжунго цзяньцзи фачжянь баоган (Доклад о развитии энергоресурсов в Китае – 2007). Пекин, 2007. С. 5–6; 2011 Чжунго тунцзи чжайло (Китайский статистический справочник – 2011). Пекин, 2011. С. 141.

населения, не увлекаясь при этом погоней за излишним экспортом.

ТЕМПЫ РЕШАЮТ ВСЁ?

Станислав ЖУКОВ, доктор экономических наук, руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН: По оценкам Международного энергетического агентства, в два предстоящих десятилетия Китай обеспечит наибольший вклад в глобальный прирост потребления большинства энергоносителей.

Правда, такой прогноз отличается известной степенью неопределённости, во-первых, относительно будущих темпов экономического роста самого Китая, во-вторых, в плане динамики развития мировой экономики, в-третьих, в том, что касается характера взаимозависимости между уровнями энергопотребления и экономического развития.

В то же время базовые и структурные характеристики экономики Китая свидетельствуют о том, что после трёх десятилетий экспортоориентированного развития она, продемонстрировав завидный запас прочности в кризисный период (когда большинство развитых стран мира свали-

лись в рецессию), тоже достигла своих пределов. В частности, исчерпан потенциал роста за счёт экспорта. Дело в том, что развитые экономики мира вошли в фазу депрессивного увеличения личного потребления, что угнетающе действует на их импорт, главным образом на ту группу товаров, где в основном Китай и представлен. В связи с этим понятным становится падающий прогноз его энергопотребления, ибо он основан на ежегодном снижении в среднем на 3% удельной энергоёмкости (то есть конечного потребления энергии на единицу ВВП). Тем не менее предварительные расчёты свидетельствуют: спрос в КНР на первичные энергоресурсы к 2030 г. достигнет 3975 млн т н. э.

И именно уголь остаётся для китайской экономики главным энергетическим сырьём. Его удельный вес в общей структуре энергобаланса не опустится ниже 59%. При этом он продолжит сохранять своё значение ещё и как «топливо последней руки», добыча и потребление которого будет варьироваться в зависимости от ситуации в газовой и ядерной энергетике, а также в относительно новом пока для Китая секторе возобновляемых источников энергии. Словом, недостаточно быстрая сырьевая отдача этих сегментов будет компенсироваться прежде всего за счёт увеличения потребления угля, и наоборот – их ускоренное развитие может в разы сократить его. Вместе с тем ожидается заметное расширение использования нефти (это связано с прогрессирующей автомобилизацией страны) и природного газа.

Три сценария китайской ЭНЕРГЕТИКИ

Николай КУРИЧЕВ, ведущий эксперт-аналитик Института энергетической стратегии (ИЭС): Несмотря на впечатляющие экономические успехи последнего времени, Китай всё ещё остаётся весьма

бедной страной. Его подушный валовой внутренний продукт, рассчитанный на основе паритета покупательной способности (ППС), разделённый на количество населения по состоянию на 1 июля 2010 г., составил примерно 7700 долларов, что соответствует уровню Японии 1965-го года, США 1940-го. Не «отстаёт» от ВВП и подушное потребление первичных

энергоресурсов: 1,7 т н. э. на человека в год – соответствует уровню той же Японии 1960 г., СССР – 1950 г., США 1920 г.

К тому же Пекин уже сегодня начинает сталкиваться с серьёзными демографическими (к 2030 г. доля лиц пенсионного возраста достигнет 25%), экологическими (в первую очередь, в угольной энергетике), социально-политическими и геополитическими рисками. И всё это, в конечном счёте, может привести к резкому замедлению экономического роста. Надо также упомянуть и о низкой эффективности капитальных вложений, множестве дисбалансов в банковской сфере, в области недвижимости и муниципальных долгов.

Вместе с тем переход от ранней стадии индустриализации к более поздней всегда связан с замедлением экономического роста, который, однако, можно стимулировать ещё не до конца раскрытым потенциалом внутреннего рынка или наличием дееспособного государственного механизма.

Если же вспомнить о перспективах развития Китая в области энергетики, то, судя по материалам целого ряда исследований (World Energy Outlook 2010, China's Energy and Carbon Emissions Outlook to 2050 и других), оно возможно по трём сценариям:

- инерционному, характеризующемуся ростом потребления к 2030 г. топливно-энергетических ресурсов (ТЭР): угля – более чем до 2000 млн т н. э., нефти – до 800 млн т, газа – до 250 млрд м³. В то же время удовлетворение повышающегося спроса на ТЭР будет сопровождаться разного рода ограничениями и рисками: для угля – экологического и транспортного характера; для нефти и природного газа – геополитическими и ценовыми; для ВИЭ – возможными издержками в ходе интеграции в существующие энергосистемы. Словом, энергобаланс в целом окажется крайне напряжённым, провоцирующим дестабилизацию всех видов сырьевых рынков;

- стагнационному, способному вызвать резкое замедление роста энергопотребления. Его структура будет меняться медленно вследствие ограниченных инвестиционных возможностей на фоне других экономических проблем. И тогда потребление

МНЕНИЕ

Россия в роли... китайской лошади

Алексей МАСТЕПАНОВ,
советник заместителя председателя правления ОАО «Газпром»

До недавнего времени вся политика Китая базировалась на том, что цена газа должна соответствовать или даже конкурировать с ценой угля – всё ещё основного для него вида топлива. В последние годы, правда, эта позиция начала меняться. Теперь китайцы стали понимать, что дешёвого газа быть не может, что это – более эффективное, экологически более чистое и более технологичное топливо, чем уголь, но, правда, и более дорогое. Тем не менее в своей «закупочной политике» Пекин всё же старается пока делать акцент на самые дешёвые его виды. Хотя если ему это не удастся, то берёт и более дорогие...

В то же время рынок газа в Китае только формируется, и он, как потребитель, ещё до конца не почувствовал вкуса «голубого топлива». Можно ли «обучить» его этому на базе российского «материала»? Или же стоит подождать, пока в Пекине оценят преимущества данного вида энергоресурсов, а цены на него в мире подрастут ещё больше? Словом, перед Россией стоит дилемма: либо начинать взаимодействовать с Китаем, либо отложить это «на завтра», рискуя опоздать.

Тем временем КНР ведёт себя более чем активно, стараясь, если удастся, навязывать будущим поставщикам собственную волю. Так, в своё время она весьма оперативно сработала в Средней Азии, дав ей кредиты и технологии.

А какую роль в этом процессе отводят России сами китайцы? Они неустанно повторяют: мы – партнёры, наши экономики хорошо дополняют друг друга, у вас – ресурсы, у нас – рынок. Это как всадник и лошадь. Возникающий при этом вопрос: «Кто есть кто?» – весьма риторический. И кто будет спрашивать лошадь – знай, гони себе!

угля к 2030 г. едва ли превысит 1500 млн т н. э., нефти – 700 млн т, газа – 250 млрд м³. К тому же этот сценарий обусловлен острым кризисом в угольной отрасли;

- инновационному, предполагающему, что Китай сможет динамично перейти к менее энергоёмкому типу развития, значительно смягчив уже сложившиеся дисбалансы. Умеренный рост энергопотребления резко расширит свободу манёвра, даст возможность оптимизировать структуру энергобаланса. Потребление угля (к 2030 г.) увеличится незначительно, а затем вновь начнёт падать. Спрос на нефть, существенно повысившись (до 2030 г.), впоследствии начнёт снижаться благодаря развитию автомобилестроения на электротяге. В то же время опережающими темпами станет расти потребление природного газа, использование атомной энергии и особенно ВИЭ.

Тем не менее, развиваясь по любому из приведённых выше сценариев, Китай всегда будет играть на мировой энергетической арене одну из ключевых ролей. Но при инерционном варианте это будет «энергетический монстр», перерабатывающий гигантское количество ресурсов в столь же масштабное... количество отходов; в стагнационном – «больной человек», переживающий разного рода энергетические «осложнения», медленно выздоравливающий за счёт импортных «вливаний»; в инновационном –

«лидер» по внедрению всякого рода новшеств, в том числе и в сфере нетрадиционной энергетики...

Грядёт «РЕСУРСНАЯ ПАУЗА»

Алексей БЕЛОГОРЬЕВ, руководитель Экспертно-аналитического управления по ТЭК Института энергетической стратегии: В последнее время стали появляться всё более радикальные прогнозы по спросу на газ в Китае к 2020 г. – вплоть до 450 млрд м³ в год (то есть со среднегодовым приростом потребления в 2012–2020 гг. в 15,1%). В то же время при планируемом к 2020 г. росте населения до 1,45 млрд человек (согласно переписи ноября 2010 г. было 1,34 млрд) подушное потребление газа возрастёт с 0,09 в 2011 г. до 0,2–0,22 тыс. м³. Для сравнения, сегодня в России оно составляет 2,9, в США – 2,2, в ЕС-27 – 0,98 тыс. м³ на человека. Очевидно, что ни до уровня Европы, ни тем более до уровня Северной Америки и России Китай никогда не дойдёт, во всяком случае, если на газовом рынке не произойдёт чего-либо из ряда вон выходящего. Большие сомнения вызывает даже то, что он поднимется

судя по газу в Китае к 2020 г. – вплоть до 450 млрд м³ в год (то есть со среднегодовым приростом потребления в 2012–2020 гг. в 15,1%). В то же время при планируемом к 2020 г. росте населения до 1,45 млрд человек (согласно переписи ноября 2010 г. было 1,34 млрд) подушное потребление газа возрастёт с 0,09 в 2011 г. до 0,2–0,22 тыс. м³. Для сравнения, сегодня в России оно составляет 2,9, в США – 2,2, в ЕС-27 – 0,98 тыс. м³ на человека. Очевидно, что ни до уровня Европы, ни тем более до уровня Северной Америки и России Китай никогда не дойдёт, во всяком случае, если на газовом рынке не произойдёт чего-либо из ряда вон выходящего. Большие сомнения вызывает даже то, что он поднимется

до сегодняшнего показателя Японии (0,74 тыс. м³ на человека). Таким образом, насыщенность рынка Китая, как и Индии, невозможно измерять подушным потреблением. Тем более маловероятно, учитывая специфический топливно-энергетический баланс Китая с абсолютным доминированием угля, 68%, и газа, 4,4%, против 25,6% в ЕС-27 и 27,2% в США, что «голубое топливо» в обозримой перспективе будет играть здесь столь же важную роль, как в развитых странах. Предельным ориентиром для КНР пока служат Япония (доля газа в ТЭБ – 16,7%) и Республика Корея (15,1%). Однако и такой доли Китай вряд ли достигнет ранее 2040 г.

Стремительное расширение спроса на газ в Китае в 2000-е годы в целом не было экономической необходимостью, а в большей степени обуславливалось политикой диверсификации, «насыщения» ТЭБ. В связи с этим было бы странным предполагать, что в дальнейшем политические расчёты станут играть меньшую роль в динамике спроса на газ, чем сегодня. А с точки зрения политики одной из ключевых угроз становится снижение энергетической безопасности в результате лавинообразного роста доли импорта в потреблении. Если по всем первичным энергоносителям она составляет 8% (в 2009 г. – 10,4%), то по нефти превысила уже 55%, что начинает вызывать серьёзное беспокойство у руководства страны (тем более что доля нефти в общем импорте Китая достигла уже 10%, то есть стала заметно влиять на торговый баланс).

Импортировать газ Китай начал в 2006 г. (нефть – ещё в 1994 г.), и сегодня доля закупок за рубежом достигла 11,2%. Внутренняя добыча не успевает за спросом и к 2020 г. вряд ли превысит 185 млрд м³, а к 2030 г. – 300 млрд м³ в год. Таким образом, даже при минимальной оценке спроса (290 млрд м³) в 2020 г. доля импорта составит 36%, а скорее всего, превысит 40%. То есть достигнет пороговой отметки для поддержания энергетической безопасности. Следует отметить, что для газа этот показатель значительно ниже, чем для нефти. Так, в США, импортирующих 60% потребляемой нефти, доля импорта газа (даже в пиковые периоды спроса) никогда не превышала 18%, а во времена наиболее бурного роста держалась в районе 9–13%. После превышения импортом доли в 16% в 1995 г. вплоть до 2007 г. наблюдалась устойчивая стагнация спроса, которая закончилась только на фоне «сланцевой революции», вызвавшей резкое снижение доли импорта (в 2010 г. – 10,6%). В ЕС, изначально ме-

Fotolia / Photopress

нее обеспеченном газовыми ресурсами, чем Северная Америка, доля газового импорта достигла сегодня 64,5%. Однако если вычесть из импорта Норвегию, политически и экономически ассоциированную с ЕС (даже более, чем Канада с США), то зависимость составит 43,4%. Причём после того, как в 2005 г. доля импорта газа впервые превысила 40%, в Европе началась стагнация спроса, не завершившаяся до сих пор (в 2011 г. вновь ожидается падение потребления на 5–7% к 2010 г.).

Тот уровень зависимости развитых стран от импорта нефти, который определил структуру мировых торговых потоков и многие геополитические события в последние 40 лет, никто не хочет переносить ещё и на газовый рынок. Но это пока мало осознаётся странами-экспортёрами газа, включая Россию. Подобную зависимость вряд ли сможет позволить себе Китай, впитывающий как губка все новейшие достижения и тенденции развитых стран в области энергетики. В результате после 2020 г. есть все основания ожидать наступления в КНР «ресурсной паузы» – резкого снижения темпов прироста потребления газа.

РОССИЙСКИЕ ШАНСЫ ЗА КИТАЙСКОЙ СТЕНОЙ

Армен БАДАЛОВ,
доктор экономических наук, вице-президент, генеральный управляющий Pace Global Energy Services по России и СНГ: Мировые энергетические рынки в на-

стоящий момент находятся в процессе глубокой трансформации, вызванной растущим спросом со стороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Латинской Америки. К примеру, совокупный рост ВВП Китая к 2050 г. составит не менее 570%, Индии – более 1050%. Эти показатели значительно превосходят прогнозы динамики экономик развитых стран: США – 166%, Западная Европа – 119%. В свою очередь, данный процесс будет напрямую влиять на потребление энергоресурсов в этих регионах. Так, в 2050 г. доля Китая в мировом спросе на энергоносители достигнет 28% (рост на 12% по сравнению с текущим уровнем), а доли США и Европы соответственно снизятся на 7% и 5% – до 14% и 12%.

Это ставит перед Россией непростую задачу – найти пути выхода на китайский рынок. На сегодняшний день, как известно, основной экспорт отечественного газа приходится на Европу, но его доля там будет неуклонно падать, следовательно, полная зависимость от такого рынка не представляется стратегически оправданной. Несомненно, важность его европейского сегмента остаётся крайне высокой, но, обладая уникальным географическим положением и обширной ресурсной базой, Россия может себе позволить существенно расширить и поставки природного газа в Азию.

Для этого уже сегодня есть определённые предпосылки. Так, спрос на газ в Китае растёт на 8,6% в год, существенно превышая возможности собственной добычи. Поэтому импорт «голубого топлива» просто обязан будет увеличиваться, чтобы «сгладить» ежегодный дефицит,

обещающий достигнуть к 2015 г. более 50 млрд м³. Важная составляющая этого импорта – поставки СПГ, объём которых равен 9,1 млн т в год и будет увеличиваться в дальнейшем.

В связи с этим следует отметить, что Россия сохраняет сильные позиции в Европе и в настоящий момент разрабатывает варианты укрепления своего присутствия на этом стратегически важном рынке. Вместе с тем она продолжает поиск возможностей по наращиванию экспорта газа в восточном направлении, что объясняется как ожиданиями бурного увеличения потребления, так и наличием в нашей стране необходимой ресурсной базы. Перспективы данной деятельности зависят и от рыночных, и от законодательных, и даже социальных условий, складывающихся в КНР.

В то же время Китай обладает обширными запасами сланцевого и прочих видов нетрадиционного газа, которые только сейчас начинают разрабатываться. Возможности их добычи в стране ещё не до конца изучены, но в случае масштабной реализации имеющихся проектов это, несомненно, негативно скажется на спросе на импортный газ, в том числе и на российский.

А нужен ли вообще газ Китаю?

Вячеслав КУЛАГИН, директор Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН: Специалисты нередко задаются такого рода вопросом, пытаясь выяс-

нить роль газа в будущем энергобалансе Китая. Ответ примерно таков: «Газ – это топливо выбора для Китая в зависимости от складывающихся обстоятельств и факторов».

Судьба газа на рынке страны будет значительно зависеть от успехов собственной добычи, в том числе нетрадиционного сырья. По различным данным (CNPC, IHS Cambridge Energy Research

МНЕНИЕ

Чтобы не стать той самой «лошадью»

Игорь ТОМБЕРГ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО

Мы не можем пока широко выходить на энергетический рынок Китая – наша «Восточная программа» направлена на развитие своих регионов. Однако без экспорта газа в КНР она, конечно, не заработает в полную силу, хотя для России удержание восточных территорий – задача более чем важная. Конечно, Китай – монопартизёр, но для российского газа в Азии других «рыночных адресов» пока нет. Все эти корейские и прочие перспективы – на сегодняшний день лишь предмет вожделений. Одним словом, на фоне непонятных отношений с Европой на китайский рынок выходить всё же придётся. Остается вопрос: на каких условиях? Чтобы не стать той самой «лошадью», надо разработать программу и решить, каким образом побудить китайцев увеличивать закупки газа у нас не до 10%, как они хотят, а хотя бы до 15% от их общего газового импорта. Может быть, даже за счёт строительства в китайских деревнях газопроводов низкого давления для нужд местного населения.

Associates – CERA, China National Petroleum Assessment), геологические запасы метано-угольных пластов в КНР оцениваются в 34–45 трлн м³, из них доказанные – 134 млрд м³, а извлекаемые – 11 трлн м³. В стране уже реализуются в промышленном масштабе проекты по производству угольного метана.

По оценкам Министерства энергетики США, Китай обладает крупнейшими запасами сланцевого газа – объём технически извлекаемого сырья составляет 35,7 трлн м³ (что почти в полтора раза превышает аналогичный показатель для самих Соединённых Штатов). Данные результаты были представлены в апреле 2011 г. по итогам совместных исследований в рамках образованной годом ранее Глобальной инициативы по сланцевому газу. Разведка проводилась в шести регионах, крупные запасы были обнаружены в бассейнах Тарим и Сычуань (на западе и в центральной части страны). В конце июня 2011 г. Министерство земли и природных ресурсов КНР объявило о проведении тендера по разработке четырёх блоков, до конца года планировалось подготовить ещё один тендер. Однако, несмотря на возможный высокий потенциал, нетрадиционная добыча пока обеспечивает около 1% от общего объёма производства газа в стране. Результаты первых экспериментальных проектов продемонстрируют, насколько перспективно данное направление в Китае.

Сейчас добыча газа в стране ведётся, как правило, национальными компаниями. Не очень благоприятный инвестиционный климат для иностранных кор-

пораций и низкие внутренние цены ограничивают приток зарубежных технологий и капиталов.

Ещё один важный аспект – экологический. В декабре 2012 г. заканчивается срок действия Киотского протокола. Активно обсуждается проект нового соглашения, которое может прийти ему на смену. В случае его принятия и взятия Китаем на себя обязательств в рамках этого соглашения у руководства страны появится дополнительный стимул для наращивания использования в энергобалансе природного газа в качестве экологически более чистого топлива, чем уголь.

В условиях высокой неопределённости – как энергетической политики Китая, так и возможностей добычи газа в данной стране – России было бы полезно стремиться к сотрудничеству с КНР и в то же время «оглядываться по сторонам» на всякий случай – во избежание каких-либо проблем и предупреждения недоумков. В частности, надо оспаривать предлагаемую китайской стороной низкую цену закупаемого газа. Обсуждаемые трубопроводные проекты требуют крупных инвестиций, и окупаемость их возможна только при стоимости сырья, сравнимой с ценами на европейском рынке или в развитых государствах АТР.

Для России ускорение процесса договорённостей с китайской стороной не является некоей глобальной целью. Совсем наоборот – нужно спокойно продолжать диалог, отстаивая свою позицию и отслеживая тенденции развития энергетического рынка КНР.